

В воскресенье мать-старушка... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

В воскресенье мать-старушка... Василий Макарович Шукшин

А были у него хорошие времена. В войну. Он ходил по деревне, пел. Водила его Матрена Кондакова, сухая, на редкость выносливая баба, жадная и крикливая. Он называл ее – супружница.

Обычно он садился на крыльцо сельмага, вынимал из мешка двухрядку русского строя, долго и основательно устраивал ее на коленях, поправлял ремень на плече... Он был, конечно, артист. Он интриговал слушателей, он их готовил к действию. Он был спокоен. Незрячие глаза его (он был слепой от роду) "смотрели" куда-то далеко-далеко. Наблюдать за ним в эту минуту было интересно. Матрена малость портила торжественную картину – суежилась, выставляла на крыльце алюминиевую кружку для денег, зачем-то надевала на себя цветастую кашемировую шаль, которая совсем была не к лицу ей, немолодой уж... Но на нее не обращали внимания. Смотрели на Ганю. Ждали. Он негромко, сдержанно прокашливался, чуть склонял голову и, продолжая "смотреть" куда-то в даль, одному ему ведомую, начинал...

Песен он знал много. И все они были – про войну, про тюрьму, про сироток, про скитальцев... Знал он и "божественные", но за этим следили "сельсоветские". А если никого из "сельсоветских" близко не было, его просили:

– Гань, про безноженьку.

Ганя пел про безноженьку (девочку), которая просит ласкового Боженьку, чтоб он приделал ей ноженьки. Ну – хоть во сне, хоть только чтоб узнать, как ходят на ноженьках...

Бабы плакали.

Матрена тоже вытирала слезы концом кашемировой шали. Может, притворялась, Бог ее знает. Она была хитрая.

Пел Ганя про "сибулонцев" (заключенных сибирских лагерей) – как одному удалось сбежать; только он сбежать-то сбежал, а куда теперь – не знает, потому что жена его, курва, сошлась без него с другим.

Пел про "синенький, скромный платочек"...

Слушали затаив дыхание. Пел Ганя негромко, глуховатым голосом, иногда (в самые захватывающие моменты) умолкал и только играл, а потом продолжал. Разные были песни.

В воскресенье мать-старушка

К воротам тюрьмы пришла,

Своему родному сыну

Передачку принесла.

Оттого, что Ганя все "смотрел" куда-то далеко и лицо его было скорбное и умное, виделось, как мать-старушка подошла к воротам тюрьмы, а в узелке у нее – передачка: сальца кусочек, шанежки, яички, соль в тряпочке, бутылка молока...

Передайте передачку,

А то люди говорят:

Заключенных в тюрьмах много –

Сильно с голоду морят.

Бабы, старики, ребяташки как-то все это понимали – и что много их там, и что морят. И очень хотелось, чтоб передали тому несчастному "сидельцу", сыну ее, эту передачку – хоть поест, потому что в "терновке" (тюрьме), знамо дело, несладко. Но...

Ей привратник усмехнулся:

"Твоего тут сына нет.

Прошлой ночью был расстрелян

И отправлен на тот свет".

Горло сжимало горе. Завыть хотелось... Ганя понимал это. Замолкал. И только старенькая гармошка его с медными уголками все играет и играет. Потом:

В воскресенье мать-старушка... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла..
И никто про то не знает -
На душе что понесла.

Как же не знали - знали! Плакали. И бросали в кружку пятаки, гривенники, двадцатики. Матрена строго следила, кто сколько дает. А Ганя сидел, обняв гармошку, и все "смотрел" в свою далекую, неведомую даль. Удивительный это был взгляд, необъяснимо жуткий, щемящий душу.

Потом война кончилась. Вернулись мужики, какие остались целые... Стало шумно в деревнях. А тут радио провели, патефонов повезли - как-то не до Гани стало. Они еще ходили с Матреной, но слушали их плохо. Подавали, правда, но так - из жалости, что человек - слепой и ему надо как-то кормиться. А потом и совсем вызвали Ганю в сельсовет и сказали:

- Назначаем тебе пенсию. Не шляйся больше.

Ганя долго сидел молча, смотрел мимо председателя... Сказал:

- Спасибо нашей дорогой Советской власти.

И ушел.

Но и тогда не перестал он ходить, только - куда подальше, где еще не "провели" это "вшивое радиво".

Но чем дальше, тем хуже и хуже. Молодые, те даже подсмеиваться стали.

- Ты, дядя... шибко уж на слезу жмешь. Ты б чего-нито повеселей.

- Жиганье, - обиженно говорил Ганя. - Много вы понимаете!

И укладывал гармошку в мешок, и они шли с Матреной дальше... Но дальше - не лучше.

И Ганя перестал ходить.

Жили они с Матреной в небольшой избенке под горой. Матрена занималась огородом. Ганя не знал, что делать. Стал попивать. На этой почве у них с Матреной случались ругань и даже драки.

- Глот! - кричала Матрена. - Ты вот ее пропьешь, пенсию-то, а чем жить будем?! Ты думаешь своей башкой дырявой, или она у тебя совсем прохудилась?

- Закрой варежку, - предлагал Ганя. - И никогда не открывай.

- Я вот те открою счас - шумовкой по калгану!.. Черт слепошарый.

Ганя бледнел.

- Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе вякать про это.

Вообще стал Ганя какой-то строптивый. Звали куда-нибудь: на свадьбу поиграть - отказывался.

- Я не комик, чтоб пляску вам наигрывать. Поняли? У вас теперь патефоны есть - под их и пляшите.

Пришли раз молодые из сельсовета (наверно, Матрена сбегала, пожаловалась), заикнулись:

- Вы знаете, есть ведь такое общество - слепых...

- Вот и записывайтесь туда, - сказал Ганя. - А мне и тут хорошо. А этой... моей... передайте: если она ишо по сельсоветам бегать будет, я ей ноги перелломаю.

- Почему вы так?

В воскресенье мать-старушка... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Как?

– Вам же лучше хотят...

– А я не хочу! Вот мне хотят, а я не хочу! Такой я... губошлеп уродился, что себе добра не хочу. Вы мне пенсию платите – спасибо. Больше мне ничего от вас не надо. Чего мне в тем обществе делать? Чулки вязать да радиово слушать?.. Спасибо. Передайте им всем там от меня низкий поклон.

... Один только раз встрепенулся Ганя душой, оживился, помолодел даже...

Приехали из города какие-то люди – трое, спросили:

– Здесь живет Гаврила Романыч Козлов?

Ганя насторожился.

– А зачем? В общество звать?

– В какое общество?.. Вы песен много знаете, нам сказали...

– Ну так?

– Нам бы хотелось послушать. И кое-что записать...

– А зачем? – пытал Ганя.

– Мы собираем народные песни. Записываем. Песни не должны умирать...

Догадался же тот городской человек сказать такие слова!.. Ганя встал, заморгал пустыми глазами... Хотел унять слезы, а они текли, ему было стыдно перед людьми, он хмурился и покашливал и долго не мог ничего сказать.

– Вы споете нам?

– Спою.

Вышли на крыльцо. Ганя сел на приступку, опять долго устраивал гармонь на коленях, прилаживал поудобней ремень на плече. И опять "смотрел" куда-то далеко-далеко, и опять лицо его было торжественное и умное. И скорбное, и прекрасное.

Был золотой день бабьего лета, было тепло и покойно на земле. Никто в деревне не знал, что сегодня, в этот ясный погожий день, когда торопились рубить капусту, ссыпать в ямы картошку, пока она сухая, сжигать на огородах ботву, пока она тоже сухая, никто в этот будничный, рабочий день не знал, что у Гаврилы Романыча Козлова сегодня – праздник.

Пришла с огорода Матрена.

Навалился на плетень соседский мужик, Егор Анашкин... С интересом разглядывали городских, которые разложили на крыльце какие-то кружочки, наострились с блокнотами – приготовились слушать Ганю.

– Сперва жалобные или тюремные? – спросил Ганя.

– Любые.

И Ганя запел... Ах, как он пел! Сперва спел про безноженьку. Подождал, что скажут. Ждал напряженно и "смотрел" вдаль.

– А что-нибудь такое... построже... Нет, это тоже хорошая! Но... что-нибудь – где горе настоящее...

– Да рази ж это не горе – без ног-то? – удивился Ганя.

– Горе, горе, – согласились. – Словом, пойте, какие хотите.

В воскресенье мать-старушка... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Как на кладбище
Митрофановском
Отец дочку родную убил, -
запел Ганя. И славно так запел, с душой.

- Это мы знаем, слышали, - остановили его.

Ганя растерялся.

- А чего же тогда?

Тут эти трое негромко заспорили: один говорил, что надо писать все, двое ему возражали: зачем?

Ганя напряженно слушал и все "смотрел" туда куда-то, где он, наверно, видел другое - когда слушали его и не спорили, слушали и плакали.

- А вот вы говорили - тюремные. Ну-ка тюремные.

Ганя поставил гармонь рядом с собой. Закурил.

- Тюрьма - это плохое дело, - сказал он. - Не приведи Господи. Зачем вам?

- Почему же?!

- Нет, люди хорошие, - будет. Попели, поиграли - и будет. - И опять жестокая строптивость сковала лицо.

- Ну просят же люди! - встряла Матрена. - Чего ты кобенисся-то?

- Закрой! - строго сказал ей Ганя.

- Ишак, - сказала Матрена и ушла в огород.

- Вы обиделись на нас? - спросили городские.

- Пошто? - изумился Ганя. - Нет. За что же? Каких песен вам надо, я их не знаю. Только и делов.

Городские собрали свои чемоданчики, поблагодарили Ганю, дали три рубля и ушли.

Егор Анашкин перешагнул через низенький плетень, подсел к Гане.

- А чего, правда, заартачился-то? - поинтересовался он. - Спел ба, может, больше бы дали.

- Свиной-то вырастил? - спросил Ганя после некоторого молчания.

- Вырастил, - вздохнул Егор. - Теперь не знаю, куда с имя деваться, черт бы их надавал. Сдуру тада - разрешили: давай по пять штук! А куда теперь? На базар - там без меня навалом, не один я такой...

Егор закурил и задумался.

- Эх ты, поросятинка! - вдруг весело сказал Ганя. - На-ка трешку-то - сходи возьми бутылочку. За здоровье свинок твоих... и чтоб не кручинился ты - выпьем.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!